

Женитьба Владимира

Что во славном во городе во Киеве,
Да у ласкова у князя у Владимира
Да было пирóвоньё-столóваньё,
Был-то у его почестен пир.
Да все на пиру да напивалисе,
Да все на пиру да наедалисе,
Да все на пиру да приросхвастались.
Боғатый ле хвастāt золотой казной,
Да сильней-то хвастāt в поли́ выслугой,
Соньливый хвастат коньми добрыми,
(Ведь о ко́нях тоже забота надо: раньше вставать да поить,
да кормить — то и кони добры!),
Да мудрый-то хвастāt старой матерью,
Да глупый-то хвастāt молодой женой,
(Женой нельзя и похвастать?)
Да бедный-то хвастāt детьми́ ма́лыма.
(У меня детей много, уж я детьми буду хвастать.)
Владимир-от князь по гриденке похаживāt,
Сапог о сапог да поколачивāt,
Перстенек о перстенёк да принацолкивāt,
Да сам говорит да таково́ словó:
«Да все вы, бояра, нонь пожóнены,
Да все вы, бояра, нонь повенчены —
Да я ли, князь, не женат живу,
Не женат-то живу, да я холóст хожу.
Не знаете ли вы кто мне поединщицы,
Не знаете ли супротивщицы?
Да статным бы статна́, полна вóзраста,
Косой бы русá да и лецём бы бела,
Сквозь платье бы тело у ей видно же,
Да сквозь тело кости видны же,
Из кости в кость мозг переливалса жи?»
(Вишь ему кака надо!)
Старшой-от хоронится за среднёго,
А средний хоронится за младшого

(Бояр было много — хвастали, князь стал говорить — и все замолкли),

А от младшого долго и ответу нет.

Из-за того из-за стола из-за дубового

Вставал молод Пóтык сын Михайловиц,

Да он говорит-то он таково́ слово:

«Ой еси, батюшко Владимир-князь,

Не позволь ты меня да казнить-вешати,

Позволь ты мне слово молвити.

Ездил я в землю Лихоимскую,

Там грабил короля шемахильского,

Там собирал я и дани и по́шлины

За те же за двенадцеть лет.

Есь-то у коро́ля три доцери,

Да перва-то доць есь Марья Семеновна,

Та ведь уж б.... да натуральная,

Да та ведь тебе не прилюбитце,

Да та ведь тебе не пондравитце!

Есь-то у коро́ля втора́я доци,

Да та Марина Семеновна,

Да та полени́ца злая-удалая,

(До чего эти татары задорны! Ведь она красива была!),

Да та ведь тебе не прилюбитце,

Да та тебе не пондравитце!

(Вот он стал намечать ему невесту.)

Да есь-то у коро́ля третья́-то доци,

Да та Апраксенья ведь Семеновна

(Апраксея или Ксеня ведь всё равно!),

Статным бы статна́ и полна́ вóзраста,

Косой-то руса и лицём бела,

Сквозь платье уж тело у ей видно же,

Сквозь тело кости у ей видны же,

Из кости ведь в кость мозг переливается.

Та ведь тебе, бывает, полюбитцэ,

Та тебе, бывает, пондравитцэ!»

Наливал ведь тут князь да золоту́ чару́,

Он и подносит Потыку сыну Ивановичу:

«Да ой еси, любимый племянничек,

Молод Потык сын Михайлович,

Выпей-ко у меня чару́ с вино́м!»

Говорит тут Потык сын Михайлович:
«Еже не пить чару́ — огневить цяря,
А не гневить цяря — знать: ехать».
А выпил чару́, сам-то вон пошел,
Оседлал он своего добра́ коня.

Он за себя привез и за князя привез. Он за Апраксеньей Семеновной
съездил и привез. Он
за себя Марину Семеновну взял.

*(Зап. А. М. Астаховой 1 июля 1928 г.: д. Усть-Низема Лешуконского р-на — от
Антонова Максима Григорьевича, 59 лет.)*

Былины Севера. Т. 1 / Зап., вступ. ст., коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938.